

- ¹ Цейтлин Р. М. Лексическая субсистема со значением прямизны-кривизны в старославянском языке. *Palaeobulgarica. Старобългаристика*. XIV (1990). С. 104.
² Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
³ Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1986. С. 115.
⁴ Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977. С. 52.
⁵ Там же.

Харанека Святлана Станіславаўна – аспірантка кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства БДУ. Навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук А.А. Кожынава.

Е.Г. ВОРОНЦОВА

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИМЕНИ: Ф. СКОРИНА

Базирующаяся на убеждении в том, что "языковая форма в конечном счете является отражением... структур человеческого сознания, мышления и познания"¹, когнитивная лингвистика – относительно новое направление в науке о языке – обосновывает энциклопедический характер семантики, а противопоставление семантики прагматике рассматривает "в значительной мере как искусственное"². Понятийный аппарат когнитивной лингвистики позволяет квалифицировать имя собственное (ИС) как **концепт** – ментальное образование, отражающее сознание отдельной языковой личности. Концептуализация ИС – это, по сути, его семантизация в процессе когнитивной переработки. Говоря в данном случае об ИС, мы имеем в виду прежде всего семиотически отмеченные имена, которые "относятся не к единичной физической сущности, а, скорее, к единичному событию в общественной и культурной жизни"³. Отправной точкой анализа стало ключевое имя белорусского культурного ономастикона **ФРАНЦИСК СКОРИНА**, однако полученные выводы можно экстраполировать, по нашему мнению, на любой из родственных объектов.

Итак, содержанием единичного концепта, репрезентированного ИС, выступает весь комплекс знаний субъекта о лице-носителе имени. Основу этого комплекса может составлять эмпирический опыт (при условии личного знакомства и общения психических субъектов) или книжный практикум (если психические субъекты дистанцированы во времени и пространстве). В нашем случае формирование концепта Франциск Скорина обеспечивается чтением двух категорий текстов: а) написанных самим Скориной (предисловия и послесловия к Библии, переводы священных текстов); б) о Скорине (тексты-персоналии). Поскольку оригинальные скорининские тексты трудны для восприятия по причине специфического, религиозного содержания и архаичного лингвистического воплощения, они становятся достоянием информационных структур современной языковой личности благодаря текстам-посредникам. В качестве посредников выступают тексты-персоналии: научные, энциклопедические, учебные, публицистические, художественно-публицистические. Заметим, что последовательность однородного ряда отражает последовательность в освоении имени белорусского просветителя – сначала на когнитивном уровне (прагматические тексты), затем, когда имя Скорины было отобрано национальным сознанием, – на художественном (проективные тексты).

Концепт, соотносимый с именем исторической личности, имеет сложное и неоднородное содержание. «В слове "Толстой" заключен целый мир представлений», – замечает литературовед С. Семенов⁴. Причем антропоним "Толстой" выбирается им совершенно произвольно. Действительно, мы можем менять семиотически отмеченные ИС, но предикатное выражение "мир представлений" останется релевантным по отношению к любому из них.

За именем Скорины выстраивается не только целый ряд конкретной информации (жизнь, деятельность), но и достаточно стабильный понятийный ряд, поскольку научное освоение имени позволяет в общих чертах реконструировать духовное начало личности, стабильное ядро которого составляют такие качества, как гуманизм, просветительство, ученость, веротерпимость, любовь к родине.

Персоналия как особый тип текста устанавливает границы содержания концепта-имени. В зависимости от коммуникативной установки автора в каждом конкретном тексте могут актуализироваться те или иные содержательные элементы концепта, например, Е.Л. Немировский воспроизводит главным образом историю поиска и изучения бесценных изданий Скорины; С.А. Подокшин рассматривает Скорину как мыслителя – в аспекте приоритетных философских идей того времени; литовского скориноведа Л.И. Владимироваса интересует виленский период биографии первопечатника; для В.В. Быкова Скорина – человек, опередивший время, патриот, работавший во благо Отечества, но вынужденный провести вне Отечества большую часть своей многотрудной жизни.

Формирование концепта личности всегда связано с оценкой. Процессы мышления обусловлены корреляцией ментальных действий, ментальных состояний и ценностных установок. Концепт предполагает субъективное видение какого-либо фрагмента действительности. Знание превращается в мнение тогда, когда оно измерено на аксиологической шкале в соответствии с показателями "хорошо – плохо".

ИС, ставшее достоянием культуры, активно пропагандируется, особенно если это ИС призвано служить какой-либо идее, например, идее национального возрождения (в молодом государстве), идее патриотизма и свободлюбия (в период освободительных войн).

Тексты-персоналии являются, пожалуй, главной и самой действенной формой пропаганды семиотически отмеченного ИС. Каналами их распространения служат масс-медиа, школьное и послешкольное обучение. Кроме того, имя Скорины внедряется в общественное сознание через художественное творчество, путем создания мемориальных названий (*проспект Ф. Скорины* в Минске, *площадь Ф. Скорины* в Полоцке, *Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины*).

Заметим в этой связи, что оценка выдающейся личности чрезвычайно редко бывает индивидуализированной. Любой член социума, существуя в контексте идеологических стереотипов, выработанных социумом, находится под воздействием официально санкционированных оценок. Последние в силу их обобщенности, категоричности и функциональной перманентности способствуют героизации и даже мифологизации личности, т. е. не просто программируют содержание концепта, но заметно меняют его структуру: в ней начинает преобладать аксиологический компонент. По нашим наблюдениям, в текстах-персоналиях даже культивируется особая синтаксическая конструкция для оформления предельно обобщенной, устоявшейся, социумной оценки. Это биноминативное предложение: *Франциск Скорина – великий белорусский просветитель-гуманист; Скорина – светоч просвещения* и т. п.

В тоталитарных обществах, если имя созвучно господствующей доктрине, возникает опасность превращения его в идеологему – "концепт-идею". Идеологизация имени предполагает наполнение его особым, политическим смыслом. Она зачастую сопровождается намеренным искажением той объективной информации о лице, которая могла бы разрушить целостность моделируемого образа. Например, создание "светлых образов" вождей недавнего социалистического прошлого сопровождалось замалчиванием негативных фактов биографии, купированием или неполным цитированием произведений, ретушированием фотографий (чтобы усилить воздействие

на зрительный канал восприятия). Со сменой идеологических установок включаются обратные процессы – процессы демифологизации (оценка "+" преобразуется в "-"), что способно привести к кардинальному обновлению национального "пантеона".

Идеологизация коснулась и имени Ф. Скорины. Так, в 20-е гг. нашего столетия, в период борьбы с нацдемовщиной, с легкой руки В.Г. Кнорина Скорина стал "средневековым монахом", и хотя этот пиар не имел никакой фактологической подоплеки, он, многократно повторенный в печати, прочно закрепился в памяти старшего поколения.

Что же касается дня сегодняшнего, белорусский просветитель, провозгласивший и в полной мере реализовавший стремление служить родному народу, "люду посполитому", безусловно, ассоциируется с национальной идеей. Однако национальная идея питает не только национальную гордость, но и национальный эгоизм, побуждая иногда исповедующих ее людей утверждать "самость" своего этноса любыми средствами. Одним из таких средств выступает "эксплуатация" славных имен, под которой мы подразумеваем тенденциозную разработку концептов, немотивированность оценок.

Продemonстрируем, как это может проявляться на текстовом уровне. Высказывания типа *Але найбольш мастацкім дасягненнем з'яўляецца скарынінскі аўтапартрэт, які быў змешчаны ў кнізе "Ісус Сірахаў" у 1517 годзе. ...Скарына як партрэтYST стаіць у адным радзе з выдатнейшымі заходня-эўрапейскімі графікамі-партрэтYSTамі Рэнесансу*⁵ нельзя считать истинными, потому что противоречит истине их пресуппозиция: "Скорина – художник, портретист". В такой формулировке пресуппозиция эксплицирует известную гипотезу, но не подтвержденный факт. Независимо от того, чем детерминирована позиция пишущего – ложью или заблуждением, у читателей, не искушенных в нюансах скориноведения, формируется неадекватное представление о творческой личности белорусского просветителя. По сути, происходит манипулирование сознанием читательской аудитории.

Концепт, стоящий за ИС, входит на правах конституента в более широкие концептуальные области, такие как "культура", "история", "родина" и т. п. Рассмотрим подробнее некоторые из этих корреляций.

Концепт культуры, в том числе культуры национальной, является сложным ментальным образованием, которому в действительном мире соответствует твердое предметное основание, отструктурированное по основной модели "автор – текст". Как считает французский философ М. Фуко, имя автора не тождественно обычному имени собственному, оно эквивалентно описанию, потому что указывает не только на номинанта, но и на созданные им произведения. Благодаря авторскому имени текст получает надежный статус в данной культуре⁶. Поэтому представление о культуре неизменно сопряжено с образами ее творцов: *Скорина, стоявший у истоков национальной культуры, стал ее символом*. Чтобы стать символом культуры, считает Я.Э. Голосовкер, историческое лицо должно отвечать требованию духовного постоянства, т. е. абсолютного выражения заключающейся в нем идеи⁷. Франциск Скорина благодаря своей новаторской деятельности в книгопечатании и переводе Библии на язык, близкий к народному, заключает в себе идею книжности, просветительства. А поскольку культура современного типа по способу трансляции является преимущественно книжной, имя Скорины тяготеет к статусу символа. С расширением локуса означаемого усиливается энергетическое поле репрезентирующего знака: *Он олицетворял органическое единство восточнославянской культуры – неотъемлемой части культурного наследия Европы*.

По наблюдению С.М. Прохоровой, в семантическое пространство родины имена знаменитых людей попадают опосредованно, через концепто-

сферу родной культуры, истории, искусства; по отношению к Скорине это может быть также концепт "белорусский язык"⁸.

Сознание пишущих регулярно сопрягает два ключевых для белоруса ИС – Скорина и Беларусь. У В. Короткевича в эссе, посвященном падуанскому периоду в жизни белорусского просветителя, находим: *Так Беларусь выдержала экзамен перед Европой. А через пять лет Скорина выдержал еще один экзамен, издав первую книгу на родном языке*⁹ – семиотический концепт "символ" не вербализован, но присутствует в пресуппозиции: "Скорина – символ/олицетворение Беларуси".

Скорининская тема звучит в поэтических произведениях с характерными в контексте обсуждаемого нами вопроса названиями: З. Бядуля *"Беларусь"* (сборник *"Под родным небом"*), Р. Бородулин *"Моя отчизна"* (цикл *"Наследие"*), М. Рудковский *"Родине"* (сборник *"Возрождение"*) и т. д.

Когнитивное освоение имени Ф. Скорины начиналось более двухсот лет назад. Появление большого количества текстов-персоналий о Скорине в наши дни обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это обретение Беларусью независимости и национальное возрождение, когда демонстрация собственного культурного ономастикона становится средством, при помощи которого белорусский этнос утверждает свою значимость. Во-вторых, имя белорусского просветителя прочно вошло в контекст мировой культуры – 1990 г. был объявлен ЮНЕСКО годом Франциска Скорины.

Имя Скорины активно внедряется в сознание белорусов. Результаты анкетирования показывают, что оно выходит на первую позицию в ответах на вопросы типа "Какие имена белорусской культуры вы считаете ключевыми?"¹⁰, "Кто принес наибольшую славу белорусскому народу?"¹¹, выявляющие степень репрезентативности ИС в истории и культуре этноса.

Синтаксическим маркером концептуальности могут служить выражения типа "что ты понимаешь под словом...", "что ты имеешь в виду, когда говоришь о...", "что для тебя...". Вопрос "Что для вас Франциск Скорина?" задавался студентам столичных вузов с целью узнать, какое содержание стоит за именем нашего славного земляка в сознании молодой белорусской интеллигенции.

В соответствии с представлением о "человеке как о сумме запечатленных в его сознании "текстов"¹² многие из полученных ответов свидетельствуют о том, что концепт имени воспроизводит стандартные семантические узлы текстов-персоналий в "ореоле" социумной оценки: *первопечатник; первый переводчик Библии на славянские языки. Умнейший человек своего времени, талантливый писатель, ученый, переводчик*. В отдельных случаях имеет место прямое цитирование, но не конкретного текста, а некоего гипертекста-персоналии: *один из "символов" Беларуси; "беларускі асветнік і першадрукар"*. Кавычки в данной речевой ситуации свидетельствуют о частотности и даже клишированности некоторых номинаций исторической личности, а также о том, что респонденты осознают вторичность своих высказываний. При отсутствии в ответах какого-либо личностного начала трудно судить, выработано ли собственное отношение к объекту или респондент просто послушно запомнил некоторую толику информации, растворенной в навязываемых ему текстах – тогда о сформированном концепте говорить, кажется, преждевременно.

Авторское "я" проявляется в тех случаях, когда отвечающие актуализируют наиболее значимые, с их точки зрения, свойства личности: масштабность (*человек-личность*), высокую образованность (*один из краеугольных камней в фундаменте наук*), альтруизм (*это человек, который думал не только о себе, но и о других*); обнаруживают связь с современностью (*сейчас людей с такой самоотдачей и с такой преданностью делу очень мало*), черты прототипа (*великий авторитет в культуре*); видят в ней камер-

тон национального самосознания (*горжусь тем, что у нас рождались такие люди*).

Аксиологический модус ответов не всегда положителен. Часть опрашиваемых сопротивляется информационному насилию, отрицательно реагируя не столько на личность Скорины, сколько на формальное преподавание (*эмблема ненависти к белорусской литературе*), лавинообразную пропаганду (*про него так много везде говорят, что уже надоело слушать*), бездумную и неоправданную идеологизацию имени (*штамп национальной гордости*).

В отдельную группу выделим ответы, авторы которых прямо указывают на нулевую значимость для себя имени Скорины: *Скорина воспринимается как абстрактный образ, не имеет для меня никакого значения, только название проспекта, это улица в моем городе, вопрос на экзамене, для меня он ничего не значит, абсолютно, так же, как Шекспир*. Отсутствие объективного знания о лице и, как следствие, мнения о нем, ассоциативные реакции метонимического типа ("проспект", "улица", "экзамен", "Шекспир") – все это указывает на то, что языковой знак "Скорина" не репрезентирует соответствующий концепт в сознании респондента. Впрочем, последний ответ при ближайшем рассмотрении оказывается вполне информативным. Если респондент предсказывает одно ИС (Скорина) через другое (Шекспир), мы вправе предположить, что он подсознательно ощущает параллелизм этих имен: их прототипичность, соотношенность во времени (эпоха Возрождения), пространстве (Западная Европа), творческом поле (литературная деятельность).

Подобные опросы, позволяющие "зондировать" "возможный мир" носителя языка, выявлять объем содержания концепта, могут быть полезными при определении культурной политики общества, ее планировании и корректировке.

Обширный корпус текстов-персоналий играет заметную роль в процессах социализации личности, особенно в овладении культурной ролью представителя нации: концептуализируя ИС, принадлежащее прошлому, они приобщают читателя к истории и культуре своего этноса.

¹ Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126.

² Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 50.

³ Арутюнова Н.Д. Положение имен лица в русском синтаксисе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34. № 4. С. 342.

⁴ Семенов С. Создать теорию жанра // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 52.

⁵ Белы А. Мэдальерны вобрас Скарыны // Плацак. 1991. № 1. С. 8.

⁶ Фуко М. Что такое автор? // Лабиринт. 1991. № 3. С. 32–33.

⁷ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С. 128.

⁸ Прохорова С.М. Культурный фон ключевых слов // Язык и культура. Киев, 1993. С. 92–95.

⁹ Короткевич В. Экзамен в Падуе // Неман. 1967. № 8. С. 157.

¹⁰ Гурская Ю.А. Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1995. С. 8.

¹¹ Кім ганарыцца моладзь // Свабода. 1995. 10 лют. С. 3.

¹² Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 49.

Воронцова Елена Григорьевна – аспирантка кафедры прикладной лингвистики БГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук С.М. Прохорова.

И.Э. РАТНИКОВА

ТОПОНИМИКА И МЕТАФОРА

Распространенное суждение о том, что имена собственные в определенных контекстных условиях типа «Мы с тобой – Гималаи...» могут «приобрести нарицательный смысл», настолько обыденно, что мы не замечаем заключенный в нем терминологический парадокс. Данная особенность они-

